

Александр Зорин

ТЕНЬ ПОЛЯРНОГО КРУГА

Мандельштам говорил, что Россию легче обуоть и накормить, чем научить читать Пушкина. То же самое можно сказать и об отце Александре. Нужна гуманитарная культура, гумусный слой гуманитарной культуры, который взрастит семена, посеянные им. Пока же такого слоя нет, пробиваются отдельные кустики, как щепотки зелени в растрескавшемся асфальте. И всё же, тираж всех книг на русском и иностранных языках за двадцать лет составил примерно восемь миллионов. Большие тиражи были в начале девяностых, с годами уменьшаются, но это вызвано общими экономическими причинами. Интерес к Меню не падает, но и не возрастает, может быть потому, что блокируется сверху. Проследить потенциальных читателей невозможно, как невозможно узнать количество верующих в нашей стране. Добросовестный подсчёт даёт не больше трёх процентов от количества людей, считающих себя православными. Отец Георгий Чистяков говорил об одном проценте. В Германии, например, этот процент виден невооружённым глазом: верующий обязан платить десятину, которая вычитается из его зарплаты. Кто платит, тот считает Церковь, установленную Богом на Земле, своим домом, безразличен к её нуждам. Подсчитать верующих там просто. У нас же десятину зачастую путают с десятью рублями. И какова вера человека, если он в жизни церкви не участвует. Не платит хотя бы священникам за их труд. Правда, у него о Церкви двойственное представление.... Он ходит в храм, где из трёх священников только один заслуживает доверия. Внимательно исповедует, доходчиво проповедует, в просьбе никогда не откажет, словом, настоящий батюшка. А другие наёмники. Требоисполнители. К тому же невежественные. За что им платить, думает такой прихожанин.... И по-своему прав.

В Орле, в храме я слышал разговор возле свечного ящика двух женщин. Видел их там не однажды. Одна рассказывает о своём болящем сыне алкоголике. Вторая, участливо: «Поставь свечку, не помешает». « Да я готова поверить и в Бога, и в кого угодно, только бы сын выздоровел».

Учитывая, весьма условный процент воцерковлённых прихожан, можно сказать, что

страна тотально-неверующая.

И всё же, в год сейчас выходит примерно 80-100 000 книг отца Александра. Купить их можно в Твери, Сыктывкаре, Казани, изредка в Петербурге. Капилляры, по которым они расходятся, слабосильны и малочисленны, к тому же забиты склеротическими бляшками так называемой «духоносной» литературы. В недавно вышедшей книжке Священника Алексея Плужникова (издательство Даниловского монастыря) довольно много красочных примеров современного языческого православия, из которых видно, как архангелов и святых уверенно теснят колдуны и кикиморы.

В 2005-2006 годах шеститомник отца Александра выпустило коммерческое издательство ЭКСМО. И, возможно, неплохо на этом заработало. Большие издательства зондируют читательский интерес и действуют наверняка, не оставаясь в накладе. Шеститомник они упаковали по два тома в одной обложке, выкинув иллюстрации и библиографию, чему автор придавал первостепенное значение. Книги пошли по России, тиражом, наверняка, большим, чем объявлено. Пошли по магазинам книготорга, что важно, потому что на приходах, за редким исключением, их не продают. В Москве — только в двух храмах. Не исключено, что Мень, попадёт в конце концов к массовому читателю, минуя свечные ящики.

После перестройки наша Церковь взяла курс на реставрацию. Поднималось то, что было разрушено 17-ым годом. Восстанавливались руины на старом фундаменте, который и тогда уже был весь в трещинах. В успехе революции, как это не горько сознавать, церковь сыграла определённую роль. Народ, ею окармляемый, не знал Евангелия, не слышал слова Божия и разъяснительной проповеди ввиду надвигающейся катастрофы. Потому и легко его было сломить марксистской идеологией, действующей к тому же вероломно.

Отец Александр был свободен от архаической прелести. Недаром в его приходе началась работа по новым переводам Священного Писания и Богослужбных текстов. Свобода, дарованная Всевышним, была главным содержанием его жизни и пастырской проповеди. И потому он оставался костью в горле у священноначалия, подчинённого Комитету государственной безопасности. Андропов, глава Комитета, отметил его неординарное поведение ещё в 1974 году в специальном донесении правительству о происках Ватикана.

И с этого времени комитетчики взгляда с него не спускали. Он был для них неудобен, лишняя головная боль. Никак не могли его пришпилить к себе, ускользал сквозь пальцы. Как же так, вся церковь у них в кулаке, вся упряжка, а этот и ещё несколько им соблазнённых, тянут в сторону. Та же ситуация и сегодня. Меньевцы путаются под ногами. Раскол набирает силу.... А тут они со своим экуменическим духом...

Курс на реставрацию отбросил наше православие, как верно замечает отец Александр Борисов, на двести лет назад, к началу 19 века, когда появилось Библейское общество, озабоченное тем же: религиозным просвещением народа. Вспомним печальную судьбу архимандрита Макария Глухарева(1792-1847) — православного подвижника, миссионера, переводчика Библии. Он был сослан в монастырь за свои, как бы сейчас сказали «обновленческие» взгляды. Всё же не убит, а сослан.... Он считал, что «язык славянский сделался мёртвым, на нём никто у нас не говорит и не пишет». Глухарев дерзнул в письме государю связать общественные катастрофы «с грехом тех, кто отдалял Библию от народа». «Неужели Слово Божие в облачениях славянской буквы, — писал он, — перестаёт быть Словом Божиим в одеянии российского наречия?» Славянский язык и сегодня является препятствием для большинства обращённых.

Ориентация на кондовое православие укоренилась в наше время благодаря ностальгическим настроениям и страху перед назревшими церковными реформами. Они, кстати, назрели задолго до большевистского переворота и были сформулированы на Поместном соборе в 1917 году. Реформам, как известно, новая власть воспрепятствовала. Церковь, после кровавой над ней расправы, сделалась историческим заповедником, присматривать за которым стало ещё сподручнее, чем во времена Церковного Синода. Отфильтрованные иерархи служили верой и правдой безбожной власти на своих зачищенных епархиях. За двадцать посткоммунистических лет Церковь осталась той же замкнутой цитаделью, управляемая теми же государственными рычагами. Разумеется, такое послушное «вероисповедание» входит в клинч с тем, которое исповедовал отец Александр. Система сдерживания и дозированного удушения работает по сей день. Всё ещё безотказная система князя мира сего. (Вот несколько жертв, из наиболее известных священников: Игнатий Крекшин, Мартирий Багин, Павел Вишневский, Георгий Кочетков).

Строятся новые храмы, открываются духовные училища, увеличивается число священнослужителей. Но Церковь это делает как бы для себя. Народ нужды в этом не ощущает. Храмы полупусты, а некоторые и вовсе безлюдны — особенно сельские.

Народ озабочен экономической стороной жизни, выживанием — в стране, опутанной коррупцией и правовым беспределом. Весь двадцатый век русское население жило в нищете и несправедливости. Сейчас что-то забрезжило впереди, похожее на европейскую модель, и люди всеми силами хотят ей соответствовать: хорошо жить, — иметь квартиру, машину, дачу, а на даче баню. Нет, это неплохо «иметь», но за обретением имущественной оболочки, бытийная сердцевина усыхает, исчезает ядрышко, человеческая оболочка становится полый. Потребность «иметь» поглощает божественную сущность «быть».

Отец Александр предвидел такую ситуацию. Церковь, склонная к консерватизму, подпитывается ксенофобскими и националистическими настроениями. Он предсказал терроризм, как тактику будущих религиозных и межнациональных войн. О русском фашизме, зарождающемся у него на глазах, он говорил без обиняков, что его поддерживают «многие церковные деятели». Но такого монстра, как Православный сталинизм он, наверное не мог представить.

Человек Культуры, он уповал на Культуру. Слово Божие прорастает в почве культурного этноса. Это понимала Ахматова, заметившая, что Россия крещена, но не просвещена. В перестроечные годы, кажется в 88, отец Александр организовал общество «Культурное возрождение». Не духовное, заметим, а культурное. Общество было очень трудно учредить. Исполком терял документы, мотал нас по инстанциям. Под эгидой Общества отец читал лекции, большая часть которых была посвящена истории религий, философии, русской и мировой литературе. Он говорил, что отцы Церкви, обращали внимание неопитов на древнегреческую литературу, находя в ней, языческой, немало полезного для христианского мировоззрения. Эстетическое чувство обогащает христианина. Чтобы не походить на тех варваров-христиан, спаливших Александрийскую библиотеку, крушивших античную культуру, обрубавших фаллосы и груди мраморным изваянием.

Отец Александр уповал на воцерковление через культуру. «Это была его концепция особой миссии гуманитарно образованных слоёв общества в деле «новой евангелизации».

Какой необозримый простор мировой культуры открывается в его книгах, лекциях, проповедях. Не представляя этой картины, трудно понять смысл человеческой истории.

В заключении я хочу привести один пример из церковной жизни, подтверждающий, что культура неотделима от веры.

Недавно в Москву приезжал священник, отец Сергей, который служит в Украине. Православный, московского патриархата. Образован, хорошо эрудирован, трудится в накале апостольского служения, читает лекции, проводит беседы, концерты, детские праздники, на которые собирается до двух тысяч человек. Налажена взаимопомощь прихожан. Разумеется, экуменически грамотен. На приходе собрал огромную библиотеку. В храме продаются книги отца Александра — на русском и на украинском языках.

Ему под сорок. Я подивился его окрылённой вере и энергии. Откуда такая, под московской крышей?

Он учился в школе в городе Мурманске. У них была замечательная учительница литературы. Она научила их читать, открывать книгу, как кладёшь премудростей. Дарила им русскую классику. Пушкина, Гоголя, Достоевского. Читала вслух Некрасова, Пушкина. Не только на уроках. «Поэзия облагораживает душу, рыхлит её природную почву. Готовит к принятию Истины», — говорит отец Сергей. И однажды, в книжном магазине города Мурманска, зимним почти беспросветным днём (Мурманск рядом с полярным кругом. Москва, духовном смысле, отстоит не дальше) Серёжа купил книжку «Таинство. Слово. Образ». Какого-то протоиерея Александра Меня. Прочитал и, конечно же, понёс в школу, любимой учительнице. И та, стала им рассказывать о Церкви, читая из этой книжечки главку за главкой. Это был первый импульс, разворот к христианству, который и привёл мальчика в духовную семинарию

Фонда Меня тогда ещё, в 91 году, не существовало, книгу выпустило Ленинградское издательство тиражом 200 000 экземпляров. Издатели наверняка не сомневались, что тираж разойдётся и затраты окупятся с лихвой. А, может, ими двигали не одни только коммерческие интересы. Может, догадывались, кто и за что убил отца Александра.

Не будь этой женщины, научившей детей любить прекрасное, не было бы грамотного

деятельного священника. Не будь этой учительницы — светоча культуры, под тенью полярного круга....